

НАСОНОВА Людмила Ивановна – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Московской академии Следственного комитета РФ (125080, Россия, г. Москва, ул. Врубеля, 12; Lynx.nasonova@yandex.ru)

ГОРОД И ВУЗ: ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК НЕОБХОДИМЫЙ ЭЛЕМЕНТ ЦИКЛА ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН В ВУЗЕ

Аннотация. Статья посвящена предметам, очерчиваемым рамками «власть – экология города – эстетический вкус – эстетическое образование». Основная проблематика связана с эстетической организацией городской среды и с теми социальными процессами и структурами, предпосылкой и условием которых выступает высшее образование и его гуманитарный цикл.

Ключевые слова: гуманитарный цикл высшего образования, эстетический вкус, городская среда и ее проблемы, сферы компетенции структур управления.

Состав дисциплин общегуманитарного вузовского комплекса ощутимо меняется в последние десятилетия. Это, на наш взгляд, обусловливается и разнообразием установок в каждом конкретном вузе, и общими требованиями к типологии фундаментального гуманитарного знания, и изменениями, реально происходящими в общественном сознании, и тенденциями в массовой культуре, и запросами идеологии. Фундаментальная часть гуманитарного комплекса сохраняется: философия, история, социология, политология, русский или иностранный язык. В последнее время к этому комплексу присоединились логика, профессиональная этика, дисциплины экономической или управленческого профиля, а также ряд частных гуманитарных дисциплин откровенно идеологически-конъюнктурного характера. В то же время ряд дисциплин исчезает из учебных планов вузов. Среди них стоит назвать, например, дисциплину «Концепции современного естествознания», волюнтаристски внедренную в гуманитарный цикл только для расширения кругозора студентов гуманитарных вузов. Примечательна мотивация этой акции: если уж естественники и технари изучают философию и историю, то свою долю мучений в виде КСЕ должны получить и гуманитарии – это «справедливо». Также из учебных планов выпала культурология, правда, по иным основаниям: в нашей стране предмет культурологии не оформился, специалистов по теоретической культурологии практически нет, и сам этот предмет часто подменялся весьма поверхностным искусствоведением. И это при том, что фундамент теоретической культурологии был сформирован, например, в трудах М.М. Бахтина, А.Ф. Лосева, Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана, О.М. Фрейденберг и ряда других ученых. Полноценному развитию культурологии мало способствовали идеологические обстоятельства. Дело в том, что совершенно закономерной является содержательная связь теоретической культурологии с ее эмпирическим уровнем, который во всем мире представлен в терминах «социальная антропология» или «культурная антропология». Здесь сыграли роль два момента: во-первых, область научной проблематики антропологии (особенно «физической») традиционно табуирована; во-вторых, эмпирическая культурология неизбежно будет содержать этнологический компонент. Проще говоря, если в теоретической культурологии исследовательские программы могут быть построены на нейтральных общечеловеческих («глобальных») ценностях, то эмпирическая культурология просто обречена строиться и развиваться на конкретно-наци-

ональном культурном материале. Полученная в результате таких исследований научная продукция, особенно популяризированная, совершенно логично вызывает экспликацию и позиционирование национальных ценностей, что в конкретике российского менталитета может создать ряд специфических проблемных областей.

Обрисованные выше процессы закономерны для живой жизни духа, они демонстрируют необходимость генерации новых направлений в системе гуманитарного образования и воспитания. Тому имеется ряд причин, таких хотя бы как вторжение в материальную и духовную культуру информационных технологий, или проблематика «открытого общества» с его гонкой потребления, вызывающая очевидные смещения в системе российских ценностей (на наш взгляд, слишком законсервированных), которые к тому же в силу действия российских «советских» традиций немедленно приобретают политико-идеологический статус.

Однако мы ставим перед собой значительно более скромную цель, нежели анализ российских общекультурных процессов. Ведь по-прежнему актуальными остаются вопросы совершенствования гуманитарного образования в вузе. В принципе сложившаяся система вполне приемлема, и подвижки в ней свидетельствуют о ее жизнеспособности и соответствии актуальным вызовам дня. В то же время хотелось бы уделить внимание проблеме, которая находится на периферии системы гуманитарных ценностей. Это проблема воспитания эстетического вкуса. Казалось бы, частная, даже личная сфера. Однако это не так: эстетическое воспитание играет важнейшую роль в становлении личности, в стиле деятельности личности вне зависимости от ее конкретной сферы. Выработка эстетического вкуса осуществляется через усвоение, хотя бы поверхностное, идей, выраженных в художественных произведениях, идей, аккумулирующих оптимальные нормы мотивации и организации человеческой деятельности. В каждом виде искусства складываются субординированные системы норм действия, проявляющиеся на разных уровнях: от идеи — к ее конкретному выражению и затем — к системе технических средств этого выражения. На каждом уровне существует своеобразный «космос», задающий меру в любом отношении, особенно важном в том, что касается меры свободы. Но это в самом общем плане. Требование меры присутствует на всех уровнях художественного материала и вызывает в качестве ответа эстетическое восприятие, которое продуцирует, конституирует и транслирует это чувство меры, которое мы и называем эстетическим вкусом и которое, в сущности, представляет собой хороший вкус вообще.

Заметим, что в пространстве современной российской культуры с этим просто беда. Высокий эстетический вкус в какой-то мере присутствует в обществе лишь благодаря отчаянным, почти ритуальным мерам консервирования классической литературы и искусства в противовес реальным центробежным тенденциям. Практически все проявляющие себя стили и направления эстетической профессиональной и непрофессиональной деятельности представляют собой даже не «разбегающиеся галактики», а лишь более или мене собранные в кучу обломки «космических» объектов с неустоявшимся или вообще отсутствующим циклом существования и развития. И здесь речь идет не об однодневках массовой культуры, а о всей плоти современной культуры, которая представляет собой слепленный из обломков и заряженный идеологически выверенной семантикой симулякр.

При этом обращает на себя внимание тот аспект безрадостной картины, который связан с человеческой повседневностью, причем последняя в большом

обществе всегда организована и снабжена системами социального управления. Активными элементами таких систем являются еще не роботы, а живые люди, встроившиеся в систему управления в силу действия различных объективных и субъективных факторов, в т.ч. влияния реальных демократических процессов. Проще говоря, на низших уровнях формирования подобной системы управления рекрутирование руководящих кадров идет более или менее стихийно, жесткая регламентация отсутствует, реальные факторы процесса носят неформальный и весьма разнообразный характер. На более высоких уровнях система руководства приобретает более строгий, нормативный характер, который совершенствуется по мере повышения уровня социальной значимости задач управления. Однако в любом случае исходный человеческий материал обладает однотипными социально-личностными характеристиками: «политически грамотен, идейно выдержан, морально устойчив» (возможно, не самый корректный *hommage*). Главным и необходимым формальным требованием к лицу, в котором усматривается властный потенциал, является наличие высшего образования. Но данное лицо, начиная управленческую карьеру, неизбежно выпадает из первичной профессиональной сферы, в памяти сохраняются лишь отдельные, часто случайные содержательные установки, сформировавшиеся как во время обучения в вузе, так и в процессе накопления разнообразного личного опыта. В дальнейшем возвращаются лишь управленческие навыки, реализующиеся в меру личных способностей.

Самое примечательное то, что наши демократические механизмы не детерминируют жестко ту сферу социальной жизни, где данное лицо будет применять свои знания, умения, творческие способности и т.п. Поэтому могут возникнуть ситуации, когда управленец не может опираться только на личный потенциал и вынужден привлекать дополнительные консультативно-корректирующие структуры. Существуют области управления, где нет жесткой специальной направленности, где личный менталитет руководителя постоянно сталкивается с человеческой повседневностью. Имеется в виду практика руководства комплексными социальными образованиями: округами, областями, районами, городами и селами, где главной задачей руководства выступает организация сферы непосредственной жизнедеятельности масс людей во всем ее разнообразии, т.е. то, что можно было бы назвать социальной экосистемой человека. Соответственно, и задачи такой организации чрезвычайно многообразны в социальном, экологическом, техническом и других аспектах. И если в ряде аспектов наличествуют системы государственных нормативов и стандартов, то есть также аспекты, относительно свободные от них, а именно аспекты социальной экологии, которые предусматривают организацию всевозможных материальных и ментальных процессов, обеспечивающих нормальную окружающую среду для человеческих действий, комфортную в отношении как объективных (природных или искусственных), так и субъективных социально-психологических факторов.

В эпоху индустриального общества этому обстоятельству уделялось мало внимания. Основную роль играли факторы, обеспечивающие эффективность и безопасность материального производства (в т.ч. и человеческого материала). В информационном обществе происходит изменение привычных сред обитания людей, что и порождает новые проблемные ситуации. Выясняется, что линейно-кумулятивная модель производства имеет малопривятные, даже антигуманные стороны, которые (не останавливать же производство) нужно каким-то образом компенсировать. Речь идет именно об экологии города; экология деревни автоматически определяется либо природными усло-

виями, либо традициями, и все негативные факторы нивелируются совершенно автоматически (хотя, разумеется, не бесконтрольно). Город больше и сложнее. В некомфортных ситуациях он призывает на помощь те сущности, которые ранее рассматривались лишь как статусные безделушки: имеются в виду эстетические объекты, организующие, украшающие и гуманизирующие городскую среду.

Здесь мы вторгаемся в область эстетической градостроительной деятельности, весьма древнюю и имеющую длительную историю достижений. Градостроительная деятельность в статусном и гуманитарном аспектах в прошлом осуществлялась на основе определенных исторически складывающихся норм, притом в целом достаточно спокойно и без эксцессов. Так было до XIX столетия. Первый удар был нанесен строительством Эйфелевой башни. (Может быть, первенство принадлежит Вавилонской башне, но в ее судьбу вмешались высшие силы.) Кстати, в качестве одного из проектируемых мест установки Шуховской радиобашни планировался Кремль. Конечно, Эйфелева башня знаменовала победу современной индустрии над патриархальностью, прогресса — над архаикой. Париж это переварил, остальные страны тоже, но рождение проблемы ощутили многие: ведь архитектурные новации допустимы, только если они имеют в своей основе очень тонко прочувствованные и до конца не осознанные изменения очертаний бытия человека — как социума, как рода и как личности (современные стремления к измененным состояниям сознания и к изменению пола — из той же оперы).

В далеком прошлом строительство городской среды шло медленно и «на миру», оно контролировалось всеми официальными и неофициальными инстанциями, т.к. город был мал и обозрим. Все ошибки замечались немедленно и в большинстве случаев быстро устранялись. Вспомним, что красота содержит в себе элемент функциональности, уродливое сооружение имманентно содержит момент опасности. (В социальном плане тот же мотив удачно выражен в афоризме: «дурной тон ведет к преступлению».) В современных городских агломерациях все значительно сложнее. Решение об украшении городской среды должно приниматься осторожно, со знанием дела и при широком общественном обсуждении. Не буду приводить примеры из зарубежного опыта, который был богат и достижениями, и неудачами, однако укоренившиеся демократические механизмы принятия решений, хотя бы на уровне коммун, не допускали откровенного непрофессионализма и дурного вкуса.

Если мы обратимся к отечественному опыту, то обнаружим весьма молодую демократию (в несколько условном смысле) в сосуществовании с обширным историческим пластом автократического волюнтаризма. Ранее в целом волюнтаризм умерялся существованием неформальных экспертных групп (аристократия, церковь), хотя и неудач тоже хватало, о чем ниже. Современный «разгул демократии» дал о себе знать очень быстро. При этом обнаружилось, что стилевая архаика и эклектика прошлых эпох, в т.ч. стиль «вампир» (укоренившийся в публицистике термин для обозначения советской эклектики периода сталинизма), все-таки сообщал городам России атмосферу спокойствия и уверенности в настоящем (выстояли и победили), которая проецировалась и в будущее. В городской социальной экологии новые процессы оформились очень быстро. Некомпетентность, волюнтаризм и коррупция проявили себя в крайне дурном вкусе в области архитектуры, в неконтролируемой застройке и в «новорусской» претензии одновременно на модернизм и «классические традиции». Формирование такого вкуса обусловлено глубинными социальными процессами. Как отмечал в свое время Т. Адорно, «в условиях мира

без образов растет потребность в искусстве, в том числе и потребность масс, познакомившихся с искусством впервые благодаря механическим средствам воспроизведения» [Адорно 2001: 30]. Последнее обстоятельство сообщает восприятию произведений искусства неаутентичный и, следовательно, деформированный характер. Примеров множество: достаточно пересчитать уродов и уродцев З. Церетели, полюбоваться на 70-этажные панельные бараки вокруг Серебряного бора или сравнить кривые гнилые зубы Москва-сити, изуродовавшие московскую панораму, с лондонским «огурцом». Единственный луч света – восстановление архитектурно-скульптурного ансамбля ВДНХ (кстати, в стиле «вампир», являющемся ценным памятником эпохи, и, кстати, почему ВДНХ? Ведь исторически первое название выставки ВСХВ – Всесоюзная сельскохозяйственная выставка). Еще одна иллюстрация мысли: памятник Ф.М. Достоевскому у Российской государственной библиотеки. Писатель-философ изображен в геморроидальной позе, видимо, символизирующей нравственные терзания мыслителя. При этом, во-первых, урезав свободное пространство площадки у входа в РГБ, архитектурно организованное с использованием крытых галерей с колоннами, памятник «вытеснил» и физически, и ментально несомненно присутствовавшую в замысле идею, афинской стои. Во-вторых, мотив установки памятника, буквально «въехавшего» на середину перекрестка Воздвиженки и Моховой, очевиден: поток туристов, проходящих от Красной площади через Александровский сад на Арбат за сувенирами, неизбежно наталкивается на подсовываемую им фигуру (Достоевский!!!). В итоге благих намерений – искажение первоначального архитектурного замысла, деформация участка городского пространства в угоду конъюнктурным соображениям. Кстати, «реконструкция» площадки продолжается: позади памятника расположили черные гранитные кубы, в которых высажены деревья, критерии подбора которых неясны. Это окончательно перечеркнуло первоначальный образ агоры, ступенчато приподнятой над повседневностью улиц и выражающей идею свободной мысли.

Данный пример хорошо иллюстрирует эстетический принцип, которому должны следовать создатели монументальных произведений. Дело в том, что монументальное скульптурное произведение, существующее, «живущее» в достаточно обширных пространствах, представляет собой воплощение синтеза скульптуры и архитектуры, гармоничное сочетание художественных приемов разных видов изобразительного искусства (если вообще архитектуру считать изобразительным искусством). Связь памятника «с организующей пространство архитектурой придает планировке тектоническое единство» [Бринкман 2010: 199]. Это теоретическое положение. По выражению одного из теоретиков архитектуры, «люди создают рамки для своей жизни, архитектурно организуя пространство» [Анвин 2012: 109]. Можно сказать, что архитектура преобразует физическое пространство в жилище человека, которое может быть комфортным и дискомфортным; поэтому деформация окружающего пространства может позитивно или негативно действовать на человека (вспомним выражение «депрессивная экология»). Проще говоря, скульптура существует в организованном пространстве, даже если оно природного качества: принцип синтеза универсален. Практика принятия градостроительных решений в идеале должна опираться на чувство этого синтеза, которое формируется в рамках развитого эстетического вкуса, базирующегося на фундаменте общей культуры.

В других городах не лучше. Яркий пример – пресловутая нововоронежская Аленка или расплодившиеся во многих городах России «памятники» в нату-

ральную величину человека, якобы органично вплетенные в городскую среду. Смею заметить, что это принципиально порочная установка; памятник (нечто неживое, остановившееся) должен быть пространственно отделен от живой «социальной ткани». Кто ваяет эти произведения «искусства»? Кто подписывает документы на их установку? Люди, у которых есть власть, есть высшее образование, даже не одно, но нет хорошего эстетического вкуса. Думаю, что особого обсуждения достоин новый памятник бойцам Красной армии во Ржеве. Не говоря уже о потрясающей эклектике, и изобразительной, и идейной, не говоря уже о дальневосточных аллюзиях, можно сказать только, что редко когда высокая патриотическая идея была столь неуклюже выражена. Видимо, новизна этого памятника и его патриотическая идея вызвали к жизни желание запечатлеть его на будущей сторублевой купюре; правда, на ее проекте памятник представлен без нижней части, он ограничен только торсом бойца, «постамент», видимо, изобразить постеснялись. Отметим, что на существующих российских купюрах памятники Ярославу Мудрому, Петру I, Муравьеву представлены в рост и вкупе с пьедесталами (а «сторублевый» Аполлон – заодно и со всей квадригой). При анализе указанного явления можно обнаружить выход на ряд проблемных областей, таких как, например, соотношение этического и эстетического. М.М. Бахтин считал необходимым различение этих сфер духа [Бахтин 1979: 22–23]. Другая область: соотношение эстетического и идеологии. А.Ф.Лосев считал, что художественный стиль всегда идеологичен. Однако идеологию эстетического мы познаем не чисто абстрактно, а «неотлично от самого произведения искусства, как растворенную в самом стиле и уже неотделимую от него специфическую тенденцию» [Лосев 2019: 207].

Впрочем, если оглянуться на наше прошлое, то примерно такой же дурной вкус мы увидим в центре Псковского кремля. Это типовой Троицкий собор конца XVII столетия, который и эстетически, и технически (неоднократно заваливался на бок и подпирался контрфорсами, да и на треть в яму ушел) портит чудом сохранившийся древний и прекрасный ансамбль Псковского кремля. В Москве на улице Большие Каменщики каждый может полюбоваться «ансамблем» Новоспасского монастыря с его многочисленными эклектическими наслоениями, венцом которых стала типовая колокольня в стиле русского барокко, которая своей высотой, обилием декора и массивностью буквально раздавила весь монастырь, превратив его прочие постройки в бесформенную грудку. При желании список подобных примеров можно продолжить. Все эти иллюстрации безобразий городской экологии приведены с ясной и точной целью. Дело в том, что «город, как и общество в целом, не должен быть объектом конъюнктурного манипулирования, он должен быть понят как сложная система, без знания закономерностей саморазвития которой никакие усилия не принесут желаемого результата» [Косенкова 2011: 104]. Программа патриотического воспитания и образования в вузовском гуманитарном цикле должна обязательно включать хотя бы краткий курс истории российского изобразительного искусства и архитектуры, тем более, в наши дни существует мощная техническая база в виде информационных технологических устройств, позволяющая изучать этот курс как аудиторно, так и в домашних условиях. Разумеется, мы не призываем к восстановлению так называемой культурологии; напротив, предлагаемый курс должен быть спланирован и содержательно организован на самом высоком профессиональном искусствоведческом уровне, исключая случайных авторов и преподавателей и случайный подбор материала. Знакомясь с содержанием предлагаемого курса, обучающиеся не только приобщаются к великому культурному наследию России, не только

глубже усваивают исторический и социально-философский материал, но и при удачно сложившейся административной карьере, решая вопросы городской экологии, помогут сохранить и украсить светлый лик нашей Родины.

Список литературы

- Адорно Т. 2001. *Эстетическая теория*. М.: Республика. 527 с.
Анвин С. 2012. *Основы архитектуры*. СПб: Питер. 272 с.
Бахтин М.М. 1979. *Эстетика словесного творчества*. М.: Искусство. 424 с.
Бринкман А.Э. 2010. *Площадь и монумент как проблема художественной формы*. М.: Изд-во ЛКИ. 296 с.
Косенкова Ю.Л. 2011. Градостроительство советской эпохи. Опыт прошлого и уроки на будущее. – *Архитектура изменяющейся России: состояние и перспективы*. М.: КомКнига. С. 93-104.
Лосев А.Ф. 2019. *Учение о стиле*. М., СПб: Нестор-История. 456 с.

NASONOVA Ludmila Ivanovna, Dr.Sci. (Philos.), Professor of the Chair of Humanitarian and Social and Economic Disciplines, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation (12 Vrubelya St, Moscow, Russia, 125080; Lynx.nasonova@yandex.ru)

CITY AND UNIVERSITY: AESTHETIC EDUCATION AS A NECESSARY ELEMENT OF THE HUMANITARIAN DISCIPLINE CYCLE IN THE UNIVERSITY

Abstract. *The article is devoted to subjects outlined by the frame «power – city ecology – aesthetic taste – aesthetic education». The main problems are connected with the aesthetic organization of the urban environment and with those social processes and structures, the prerequisite and condition of which is higher education and its humanitarian cycle.*

Keywords: *humanitarian cycle of higher education, aesthetic taste, urban environment and its problems, areas of competence of management structures*
